

Повесть Виделомта.

Тяг побивали Литовцы. Вернулись съ поймаго паша,
 Много добычи взяли, возвратили и заикающа довести;
 Митиньиха Номисежскихъ поимъ догнута за поимани Литовцевъ,
 Митиньиха на шедъ у митиньиха и ружья ихъ связавъ крѣпко,
 Въ сторону Курскія Воеводства и горько слезами жаловаться,
 Взявшаго на коню оны и Богу себя поручающа,
 Въ городъ Ковно, въ средина, простерлась дальна Перуна,
 князь Литовскіе, въ граде возвращающа со славною побѣдою,
 Рыцарей въ жертву Номисежскихъ срубаѣ на кающае обѣщаніе.
 Двое изъ рыцарей митиньиха поутра безъ страха въ граде Ковно:
 Младъ и прекрасенъ одинъ, а другой уже въ изѣлахъ преклонивъ,
 Сами оны, въ дару дѣвѣ, оставя Номисежскіе ратни,
 Прибави въ войско Литовцевъ; князь ^{же} Номисежскіе ихъ примавши,
 Страху не одолевъ пристави, и въ заимки повелъ ихъ сегобои.
 Тамъ оны сплосили ихъ; сруба, и срубитъ какою явилась,
 „ Милъ неистощимъ, сруба срубована младѣи, ми родъ мой и ми
 Мое ребенкомъ еще я Номисежскими взято бывъ въ неволю.
 Моемъ одно имѣѣ, что гдѣ то въ Литвѣ, сруба великаго граде,
 Стѣна мой домъ наладилася; Гдѣ граде бывъ построены изъ древа,
 Стѣна по холмамъ высокимъ, а домъ мой курганомъ бѣже краѣ.
 Окредъ холмовъ по ровинамъ иущица евоваго роиза,

ПОВѢСТЬ ВАЙДЕЛОТА.

Ошкуда шла Липва? съ ночнаго шла набѣга
 Съ богатшпвами церквей и замковъ. Вдоль у берега,
 На шеяхъ съ пеплами и съ вервей на рукахъ,
 Влекомы Рыцари при вражескихъ коняхъ,
 Вглянувъ на Прусскій берегъ, слезами заливались;
 Взглянувъ на Ковна видъ, зывали къ небесамъ:
 Средь Ковна на лугу Перуна грозный храмъ;
 Когда Князья Липвы съ побѣдой возвращались,
 На жершвенныхъ коспрахъ шамъ плѣнныхъ Нѣмцевъ жгли.
 Два плѣнныхъ Рыцаря безспрашно къ Ковну шли:
 Одинъ согбенъ и сѣдъ, другой прекрасный, юный;
 Прорвавши Нѣмца спрой, они въ бой самый буйный
 Къ Липовцамъ унеслись. Ихъ Князь Кейспушъ принялъ;
 Но въ замокъ свой ведя, онъ спражей окружалъ.
 Зачѣмъ пришли, спросилъ, какого вы народа?
 „Не знаю своего ни имени, ни рода:
 Я въ дѣшпвѣ полоненъ, сказалъ пришлецъ молодой.
 Лишь помню, что въ Липвѣ мой опчій кровь родной
 Былъ въ городъ большомъ; шопъ городъ деревянный,
 А шеремъ на холмахъ изъ красныхъ кирпичей;
 Еловымъ боромъ вкругъ одѣяны поляны,

И озеро вдали блѣло сквозь вѣшвей.

Однажды, въ полночь, шумъ прервалъ нашъ сонъ; свѣспился

Въ окнѣ огнистый день, по кровлѣ дымъ клубился

И спеклы лопались. Мы мчимся къ ворошамъ:

Дождились искры вкругъ, по спогнамъ пламень вился.

Къ мечамъ! врагъ въ городѣ! къ мечамъ! кричашъ, къ мечамъ!

Опець мой кинулся — и ужъ не возвращался.

Въ домъ Нѣмцы бросились. Одинъ за мной погнался,

Наспигъ, схватилъ, помчалъ. Чпѣ было ужъ со мной

Попомъ, не помню я; лишь мапери родной

За мною долго вопль и мрачно раздавался.

Сквозь грозный бишвы шумъ, домовъ падающихъ прескъ

Вопль долго гналъ меня, и слухъ имъ полнь осался.

Еще доселѣ крикъ, пожаръ, оружія блескъ

Въ душѣ шопъ будашъ вопль, какъ перекашъ грома

Средь мрачной дебри гуль. Вошъ все, чпѣ я изъ дома

И изъ Липвы сберегъ. Бывало, мнѣ хошъ сонъ,

Явя родимый ликъ, пошъшишъ грусны очи;

Но, сирый, временемъ и грезъ я сихъ лишенъ:

Ихъ поглотилъ шуманъ, чертъ дубровной ночи.

Дни юные шекли, я въ Нѣмцахъ Нѣмцемъ жилъ;

И названъ Вальперомъ и прозванъ Альфомъ былъ (13).

Но, Нѣмецъ именемъ, я былъ Липвинъ душою:

Тоскуя по Липвѣ, къ врагамъ дышаль враждою.

Самъ Винрихъ, Ордена Магиспръ, меня крестилъ;

Какъ сына, онъ меня воспишывалъ, любилъ,

Всего ближе тайна среди моего домашнего бытия.
Ночью однажды нас крики внезапно от сна пробудили,
Сильный день явился в окне и лопались стекла сотресканы,
Затем по комнатам клубами взрывались, мы выскочили в ворота,
Могучев по улицам бегая и искры тайны обиталия приносил,
Крик был ужасный: «на оруженно». Во ворота Никиты, Коршуны,
Вспыхнул от меча мой подданный, пошел он и встал в неверном.
Никиты ворвавшись в дом, и одним взрывом за много познаний,
Вспыхнул на него посадник; не знаю, что сталося там,
Могуче лишь вот мой материн дом, до чего все случилось.
Скорее оруженного стука домов разпадавшихся. Ну ма,
Дошло слухом меня вот то, и в слух ^{дошло} осталось.
Минут еще, когда вижу пожар ^и вилла и крика,
Вот то, что в душе пробуждается снова, как бужу в пещере,
Андрониды гроза дракона: вот все, и в муров это в Вилье,
Наш дом оттого. Вспыхнувший муров и много муров в Вилье
Матери образ пожеланный, подданный вижу и братство;
Наша трагедия и драма какой-то таинственный суицид.
Время от времени больше и гуще черт и мур скрывается.
Вспыхнул мур муров, и драма среди Никиты как Никиты,
Вспыхнул (12) мур муров и проворные муров муров;
Мур муровское было, муровское сердце осталось,
Во мур муров то бужу осталось, не бужу ее злоба.
Вспыхнул, муровское муровское, муровское в муровское;
Сам он муровское, и муровское и муровское как муров.
Трудно муров было в муровское, с муровское муровское бужу

[illegible]

Ласкалъ, но я грусшилъ, и душни мнѣ палаши,
 И къ Вайделопу все изъ нихъ я уходилъ.
 Давно еще, давно въ плѣнъ Рыцарями взяшый,
 Липовецъ сей сѣдой имъ полмачемъ служилъ.
 Узнавши, что Липвинъ и сирота я былъ,
 Онъ спалъ меня къ себѣ приманивашъ украдкой:
 И пѣснями Липвы, родною рѣчью сладкой
 И ласками — души унынье облегчалъ;
 Иль къ Пѣману водилъ: чрезъ волны голубыя
 Любилъ я горы зрѣть мнѣ милыя, родныя.
 При возвращеніи жъ мнѣ спарецъ оширалъ
 Слезу своей рукой, бояся подозрѣнья;
 Но слезы осушивъ, огонь месши возжигалъ:
 О! помню, какъ я брелъ въ дворецъ въ борьбѣ помленье,
 Какъ тайно ножъ шочилъ, съ какой усладой мщенья
 Рвалъ Винриха ковры, билъ зеркала, шопшалъ,
 И въ свѣшлый щипъ его бросалъ песокъ, плевалъ! —
 А возмужавъ, въ бронѣ, изъ приспани Клайпедской
 Край навѣщашъ родной со спарцемъ плавалъ я.
 Цвѣшны родные рвалъ; ихъ запахъ чародѣйской
 Былое шемное, какъ сонъ, вливалъ въ меня.
 Имъ упоенный, мнилъ: юнѣя днями жизни,
 Играю съ брашьями я у дубравъ опчизны.
 И спарецъ памяти неясной помогалъ:
 Онъ зелій и цвѣшовъ плѣнишельнѣйшимъ словомъ
 Все сердцу милое волшебнo рисовалъ.

— Какъ сладко, у друзей, родныхъ, подъ опчимъ кровомъ
 Жизнь юную впивать! — Но, ахъ! суровый рокъ!
 Онъ сколько чадъ Липвы безъ сихъ опрадъ обрѣкъ
 Влачишь поспылый вѣкъ, спяща въ цѣпяхъ Тевпона!...
 То слышала я въ лугахъ; но у Полонги лона,
 Гдѣ моря бѣду грудь холма, гремучій валъ
 Ручьи песчаные лѣпъ изъ жерлъ пѣнисныхъ,
 О, сынъ мой! видишь ли, мнѣ Вайделошъ вѣщаль,
 Прибрежны вѣшніе луга цвѣшовъ душистыхъ:
 Ихъ занесли пески, гробъ за-живо ихъ взялъ;
 И щещно сляпся они главою шомной
 Возникнушь: гидра вновь восставъ изъ бездны пѣмной,
 Крылъ бѣлыхъ саваномъ мершвящимъ кроешъ лугъ,
 И разширяется владычество пусыни!...
 Пахучій юный цвѣшъ, въ гробъ брошенный, о другъ!
 То племя падшее — то кровные Липвины,
 И гидры безднъ морскихъ, пески шѣ — Орденъ ешъ.
 Такъ спарецъ говорилъ, и сердце разрывалось,
 И жаждою испишь кровь Нѣмцевъ задыhalось,
 И рвалося къ Липвѣ. Но спарецъ пылъ и месшъ
 Тушилъ; нѣшъ, онъ вѣщаль, героямъ вольнымъ славно:
 Избравъ оружье, въ бой вспушишь опкрышый равной.
 Повремени еще, побудь здѣсь, перейми
 У Нѣмцовъ хипрое искусство — бытъ военный;
 Спарайся къ нимъ войдши въ любовь, а памъ ужъ мы
 Увидимъ, чшѣ начашъ. И спарцемъ укрощенный,

Ахъ бы прѣждо въ отъизнѣ, средѣ своихъ любимыхъ и любившихъ,
Иные дни проводишь; — посколко дѣтей есть ливовскихъ,
Счастья такого не знавшихъ, у Ордена въ тѣмной не воли!
Вспоминаю я то не равнина, но на предвѣрныхъ Момонихъ,
Тамъ гдѣ бѣгомъ море гудило греснѣннѣе обѣтисъ,
Тѣмнѣвшихъ горючихъ шумно потоки тѣску извергаетъ,
Видишь, говорила старецъ, коври придерзанаго муга;
Или зримъ нескоро покрываеъ, видишь душистая трава;
Смертнѣй покровъ отъ снѣга всё еще свернуто главами;
Тѣмнѣю! какъ рать надвѣрнѣ на нихъ снова некая гора,
Бѣлые лѣтъ расрѣнѣ, бѣга одолѣть зрѣвше —
И распрострѣтъ она окрестъ владѣннѣе дѣской мугѣннѣ,
Сынъ мой! всеннѣе махи, вогрѣвъ за жгоченнѣе зрѣвше —
Это народѣе подвѣннѣе, знаеъ то наши литовцы;
Сынъ мой! неслыше бурей изъ моря несли — это Ордена.
Сердце стѣраю, вспоминаю; хотѣла я гудѣть Креснѣннѣе;
Или въ Литву удвѣннѣе; но тѣмъ мой здрѣннѣе старецъ.
Днѣзарнѣе вѣннѣе, вѣднѣе онъ, вѣннѣе вѣднѣе и оуруе,
И на тѣмъ откѣннѣе равниннѣе тѣмъ дѣннѣе;
Здрѣе тѣмъ останнѣе, военнѣе дѣннѣе у тѣмнѣе уннѣе,
Смѣннѣе тѣмнѣе ^{ихъ} дѣннѣе, а дѣннѣе удвѣннѣе ^{ихъ} тѣмнѣе.
Старцу покорнѣе я бѣннѣе, — и покорнѣе за вѣннѣе тѣмнѣе;

Но в первой дилемме, мимолетно родное хоругви завыдано,
только мимолетно воемные родины мимолетно увыдано,
Бросился к воемным нашим и жарко увыдано на собою.

Сокровище таково, что сегоднем поимеет и сокровище в кусте,
Мужик джестом во всем подавивши остроту и разум,
Мускулы его, чтобы братья свои сокровище подбивали она;
Но мимолетно воемные она во туги, мимолетно обившего оаши
Всего безпредельность и просторность своя мазурной остроты,
Воздух ^{свободный} ~~мимолетно~~ поует, мимолетно своих кривых увыдано
Из дома ^{и с} ~~возврат~~ остроты, не уды сокровище остроты кусткой.

Мимолетно остроты; его роти Кусткой вимолетно жарко; вимолетно
Дом Кусткой Мимолетно, прекрасная мимолетно боимся.

Осень приходит — и долгие отней вечера поимеет;
Сестра и подружка во кругу, джесты и млада Кусткой,
Редет да пимолетно бывало, мимолетно проводит да пимолетно;
Мимолетно сверхоты, джесты и млада Кусткой Беретина:
Вимолетно остроты, джесты поимеет о куст Мимолетно,
Мимолетно о джесты своей поимеет. Мимолетно, кто разговаривал Кусткой,
Римолетно джесты поимеет, мимолетно жаркой мимолетно;
Мимолетно остроты на пимолетно, не роти и востро поимеет.
Спаживает Кусткой, пимолетно да Мимолетно джесты и жарко.

Пошелъ я съ Пѣмцами въ походъ; но въ первый бой,
 Узрѣвъ хоругвь Липвы, и увлечень родной
 Липовской пѣснью, я вражій рядъ спѣснѣнный
 Пробивъ, лечу къ своимъ, и шарца мчу съ собой.
 Такъ соколъ пойманный и въ клѣшкѣ вскормлѣнный,
 Хошь памяпи лишень онъ муками ловцовъ,
 Но выпусти его бинь брашьевъ - соколовъ:
 Взлещипъ лишь къ облакамъ, окинешъ лишь очами
 Поля безмѣрныхъ опчизны голубой,
 Свободой опдохнешъ подъ синевою родной,
 Послышешъ шелесъ крылъ, смѣлѣй взмахнешъ крылами —
 Ловецъ! гдѣ соколъ швой? — Не жди, поди домой.“

Умолкнулъ юноша; но Князь внималъ, и лесно
 Внимала дочь его, какъ божество прелестна,
 Альдона юная. Осенняя пора
 Пришла, и длинныя настали вечера.
 И въ вечеръ, межъ подругъ, сесперъ, Княжна сядишя,
 Прядешъ, иль пиканъ песпришъ игривосью шбней;
 Но блещешъ ли игла, верешено ль рѣзвися,
 Альфъ подлѣ ней споишъ, швердишъ о дивахъ ей
 Пѣмецкой спороны, о младоспи своей.
 И дѣва нѣжная ни слова не проронишъ,
 Глошаешъ жадно рѣчь и всю до слова помнишъ;
 Той рѣчью милою лепечешъ и во снѣ.
 — Какъ замки велики и грады въ шой спранъ,

Ей молвилъ Альфъ, и что за пышность украшений,
 И блескъ, и красота пировъ, увеселений!
 Тамъ коня рыцари безспрашные крушатъ;
 Красавицы глядящъ и имъ вѣнки дарящъ. —
 О Богъ говоря Занѣманскомъ великомъ,
 И Сынъ Божиємъ, и Дѣвъ Пресвятой,
 Альдону Альфъ плѣнилъ Пречистой Дѣвы ликомъ
 На дивномъ образкѣ. (Онъ на груди молодой
 Тотъ образокъ носилъ всегда съ благоговѣньемъ
 И передалъ его Княжѣ съ Святымъ Ученьемъ).
 Однимъ желаніемъ и жилъ онъ и дышалъ:
 Хотѣлъ онъ научить Княжну всему, что зналъ.
 Увы! онъ и шому, чего и самъ дошолъ
 Не вѣдалъ, научилъ, и самъ при дѣвѣ болъ,
 Чѣмъ прежде, онъ позналъ: онъ съ ней позналъ — любовь.
 Съ какимъ волненіемъ роскошнымъ внемлетъ вновь
 Изъ устъ ея слова Липвы, уже забвенны!
 Воскресшій каждый звукъ въ немъ чувствва снова вдругъ
 Возжешъ, какъ въ пеплѣ огонь; по звуку всѣ безцѣны
 Родства и дружества, и имя: милый другъ —
 И звукъ, еще нѣжнѣй, безцѣннѣй — звукъ прелестной:
 Любовь, съ кошорою сравнився въ поднебесной
 Въ гармоніи одинъ: опчизна — звукъ святой.
 И что - бъ Альдону такъ внезапно измѣнило,
 Подумалъ Князь, и гдѣ ея видъ прежній, милой

Это за благодарствъ въ уборной, и тошнотой веселій началъ,
 Какъ на туркиришъ ея добры рыцари ~~тѣмъ~~ ^{коня} молютъ,
 Довы же смотритъ съ балкономъ, и на маршардъ возмущенъ,
 Вальтеръ о Боже великомъ, за Ныменъ царво ищущей,
 И о пречистой матери Божия сама повоздалъ;
 Ангельскій мнѣ съ въ обратъ чудномъ показавалъ вальтеръ,
 Якоже съ мабоуришъ куберъшъ носимъ съ въ образъ на груди:
 Отдавъ его оу митвинкѣ, когда обращаю ея въ вартъ,
 Въ него мочимъ когда; оу велику маури ея тучимъ,
 Врдаю что само; но, звы! и тому маури ея вальтеръ,
 Сами нехъ презре не врдаю: ея маури оу слововъ,
 Съ него и сами маури; съ какими оу великимъ сладкимъ,
 Случаю ихъ зы ея ихъ зы забавляя ржи родивъ!
 Съ каждаго воскресившимъ словомъ новое крѣво будишъ,
 Словно какъ жра ихъ жетъ; то сладки были названъ.
 Родовитой связи, приязни — сладкой приязни, еще же
 Слово предъ великимъ сладкимъ, слово слововъ, съ крѣвнымъ
 Давнаго ихъ въ мауришъ, кроитъ мнѣ слово — приязни.

То это, думалось Кайдуку, отъ чего моя дочь измѣнилась?
 Гдѣ ей презрѣная радость, гдѣ ей грѣшныя мучны?

[illegible]

Съ весельемъ дѣвственнымъ , безпечною злашю ?
 Всѣмъ дѣвамъ въ праздники забавы , пляски , игры ,
 Она одна сидитъ иль съ Альфомъ , иль съ шоской .
 Всѣ въ будни примутся за пряжу и за иглы ,
 У ней скользитъ игла и пушается шелкъ .
 Вчера примѣшилъ я какъ вышила цвѣтукъ ,
 Листочки алыми , а розу всю зеленой .
 Чтò дѣлаешь — сама не знаешь , и объ ней
 Всѣ поже мнѣ швердишь . — Гдѣжь знаешь и видишь ей ,
 Когда и мысль ея и взоръ обвороженой
 Лишь ищущъ Альфовыхъ и взоровъ и рѣчей !
 Все бродишь , кроешься ; а гдѣ ? — узнашь не трудно :
 Въ долину ! — Но зачѣмъ , что шакъ въ долину чудной
 Ей мило ? — для нее шамъ садикъ Альфъ развелъ .
 Ужели всѣ сады мои онъ превзошелъ ?
 (Сады роскошныя у Кееспуша были :
 Грушъ , яблокъ полныя , Ковѣнскихъ дѣвъ манили) .
 Не садъ ее манишь ; я видѣлъ и зимой ,
 Въ свѣщлицѣ , окнами на Неманъ выходящей ,
 Ни льдинки нѣтъ порой на спеклахъ , какъ весной :
 Ее къ окну манишь по берегу Альфъ бродящій ;
 Вдохъ пламенный ея ледъ окоя распоилъ .
 Я думалъ , юный Альфъ ее письму училъ .
 Въ мудреной грамахѣ онъ Нѣмцу не успуишь ;
 Изъ нашихъ же Князей ей нынѣ всякой спалъ
 Дѣшей своихъ учишь . Альфъ молодъ , храбръ , удалъ . . .

Я-ль изгону его? — Но кто Липву засупишь?
 Кто замѣнишь его въ опасный боѣ часъ?
 И какъ въ бою онъ смѣлъ, и насыпи какъ спроишь,
 И въ пушкахъ какъ смышленъ: одинъ онъ раши споишь!
 Нѣтъ, Альфъ! будь зяпемъ мнѣ, и грудью спой за насъ!

Увѣчана любовь. Тевтоны! вы конечно
 Симъ заключили бѣ пѣснь: шакъ въ повѣспяхъ у васъ
 Женидбой рыцаря пѣвецъ окончишь вѣчно
 И пѣсню, молва лишь: и долгій вѣкъ ихъ былъ
 Улыбкой радости. — Нѣтъ! Альфъ Княжну любилъ;
 Но съ доблестной душой возвышенной рожденной,
 И съ милою Княжной — онъ въ горѣ дни губилъ,
 Спеша о бѣдспвіяхъ опчизны угнѣщенной. —

Съ весною красною, всѣмъ жаворонокъ вновь,
 Вскружася, возвѣщаль и радость и любовь;
 Тебѣ же смерть и огонь, о край Липвиновъ бѣдныхъ!
 Текушь ужъ Ордена полки въ спрояхъ побѣдныхъ;
 Ошъ горѣ Занѣманскихъ до Ковна эха спонъ
 Разносишь ржанье, крикъ, оружья, збруи звонъ.
 Какъ мгла, спанъ спелелся, всѣ доли имъ покрышы.
 Змѣяшся знамена, и шамъ и шупъ развишы,
 Какъ молніи въ грозу. Ужъ Нѣмецъ спалъ на брегъ,
 Уже моспши навелъ и Ковно вкругъ облегъ.
 Весь день паранами онъ рушишь спѣны, башни;

Как откарать ешу отъ дошу? Онъ гласъ, шибъ! Какъ пощедитъ!
 Кто ^{этакъ} ~~самъ~~ Виспроуе праги, и мурисъ оковы на шивитъ,
 Слагуиъ съ оружьеиъ ошенибъи. Онъ умелъ сѣиъ Война:
 Бубъ зле тавъ иагелъ или Валоферъ-ишъиъ, шибъ, заишъиъ.

Итакъ
что ~~состоит~~ въпроваго права, и мурше оковы наивнѣтто,
Слаженъ съ орудіемъ оцесивнѣтто. Говъ умелъ сѣрь войско:
Будъ же тавъ вѣстемъ или Калбѣръ-и-бѣръ, муръ заимъ.

Славаго съ оружіемъ бичемъ. Это умелъ сдѣлать Война:

Будь же ты вместе с моим Мальком-любом, счастлив и здоров.

Валерья стал мучиться Алкоголем. Никому. Вспомните, врано,
когда я гдес моя повстр; в Виллиам модовых романов
Свадебю рыцаря птси конже трудадуря полагает:
Дарва прибавить, что прожил долго и счастливъ былъ.
Валерья супругу модина, почитая онъ и дуча благопроды.
Могли онъ счастливъ бытъ дома, какъ не въ мо скаръ въ отъизу.

Козима гдѣсь моя по Вострѣ; въ Великая модѣ Выха ромашки

Свободою рыцаря итти кохоче трубадуръ полагаетъ:

Дарья прибавит, что прощали долго и сасеривы были.

Вашею супругу свободна, поминать она и душа благородна.

Может ли онъ счастливъ быть дома, какъ не было счастъ въ отъѣздѣ.

Сити растаеши въ поляхъ, первый разъ ты въ равнине;
Въ правъ имошь ея ты съобщишь любовь и веселье,
Богиня любви оне съ весномъ поздравитъ и разню предвѣщаетъ.
Вотъ собираются разей Крестовиды безчисленныя сонны,
Вотъ ^{то} отъ самаго за-Мочимскаго горъ удръ доносится до Ковна
Волновья клички, орудия шумя и ржаніе коней.

Во крат имаме елот и сѣ обавуаѣ любовь и веселье,

Ваша добродетельная мать Крестовцова безчисленными соболез-

Этот отъ самовара за Мюмменскими горами упряго доносится до Ковна

Воспитанники школы, орудия труда и разданы коней.

Еще нечаянно, будучи тучами по широкому полю,
тамо ^{здесь} ~~и туча~~ стражи перед ней знамена порою выносятся,
точно как шломыя пред бурей. Ныне явились на берег,
Визуи шломы черехи Ныне и Ковно кругом осадами.
Всякий день строны и баины пред силой Громова Визуея,

Матильда и ~~мать~~ страсти переставшей знаменна пороком счастливой,
мать и страсти переставшей знаменна пороком счастливой.

Вспомнишь мощь реверс! Прямые и Ковно крылатые осадки!

Всякий день страны и вашим трудом силой Гармоновъ Васильевъ,

Всю ночь въ землѣ, какъ крошѣ, подкопы роешь спрашны.
 И бомбы огненны, лешя подѣ небеса,
 Какъ соколъ въ пищицѣ, падушѣ изъ пучѣ на крovy зданій.
 Въ прахъ Ковно рухнуло, Лишва бѣжипѣ въ Кайданы;
 Кайданы рухнули, Лишва бѣжипѣ въ лѣса.
 Вездѣ пожаръ и смерть разносипѣ Инокъ бранный.

Князь съ Альфомъ, въ бой лешя, всѣхъ послѣ съ боя шли.
 Всегда спокоенъ Князь. Опѣ съ юныхъ дней сражался;
 Привыкъ разипѣ враговъ: впадалъ, громилъ, скрывался.
 Онѣ зналъ, что предки бранѣ съ Тевшонами вели,
 Забылъ о будущемъ, и шелъ во слѣдъ имъ смѣло.
 Альфѣ думалъ иначе: умомъ вполнѣ ужъ зрѣлой,
 У Нѣмцовъ живѣ, онѣ зналъ, что на Магистра гласѣ
 Текли сокровища войска Европы цѣлой. —
 Прусаки сгинули, съ Тевшонами борясь:
 Лишвѣ подобный рокъ грозипѣ — и неизбѣжно!
 Знавѣ гибель Пруссовъ, Альфѣ и' за Лишву дрожалъ.
 — Зловѣщій пы Пророкъ, о сынѣ! Кейспунѣ вскричалъ;
 Надѣ бездной мракъ ума прогналъ швой умъ мятежной,
 Чшобѣ ужасъ весь опкрыпѣ. Когда швоимъ рѣчамъ
 Ужаснымъ я внималъ, плѣнѣ чудился очамъ,
 Слабѣла длань; въ груди, помимой, безнадежной,
 Весь огонь опваги гасѣ; чшожѣ съ Нѣмцемъ дѣлалъ намъ!...
 — Родипель! Альфѣ выцалъ, одинѣ я способъ знаю —
 Жеспокъ, но вѣренѣ онѣ! увy!... я жѣ избираю...

И нѣкогда явлю его, бышь можешь, замъ.

Такъ послѣ бишь они кровавыхъ разсуждали,

Пока на грозный бой вновь трубы призывали.

Все Князь мрачный, мрачный. Чѣмъ Альфъ такъ угнетѣнъ?

Какъ онъ угрюмъ, унылъ! Пускъ веселья слишкомъ онъ

И прежде не бывалъ, и даже въ счастья самомъ

Слегка мрачился дикъ въ раздуміи шуманномъ. ?

Но прежде, на груди Альдоны улади

Грусть сердца нѣгою, въ объятіяхъ прелестной

Развеселялся онъ; свидаясь, уходя,

Къ ней нѣжный взоръ склонялъ съ улыбкой милой, ласковой.

А нынѣ, вѣчно дикъ, какъ будишь подавленъ

Зловещей шайною, ломая руки, онъ

Съ зари до вечера, предъ домомъ, изсупленный,

Глядѣлъ на черный дымъ селъ пышущихъ въ огнѣ; ?

И въ ночь, опчаянный, кидаясь во снѣ,

Глядишь на небосклонъ, пожаромъ обогранный.

Альдона спонешь: Альфъ! о, чпѣ шы, мой безцѣнный?

— Кпо? я! ужель дремашь, пока врагъ грянешь къ намъ,

И сонныхъ повязавъ, вдасъ люпымъ палачамъ?

— О! Боже сохрани! о другъ! по гранямъ спражи. . .

— Такъ! спражи бодрспвуюшь, мой мечъ — губитель вражій;

Побьешъ же спражу врагъ, мечъ сокрушишся мой,

Когда же бремя лѣшъ. . . куда съ съдой главой? . . . —

— Богъ спаросъ подкрѣпишъ дѣшми. — Но вдругъ Тевшоны

„Вот утешенье наше во дождяхъ даруется!“ — А Мишвы вѣрнее и правдѣе,
Судьба моя и почитивъ дождя, увезу въ мѣсто далеко
И на худѣишь въ родного отца искавъ сироты наградитъ.
Можетъ быть самъ я отца или братьевъ моихъ полюбилъ бы,
Если бы не наша бѣда была. — „Мама, милый мой Кандидатъ, утѣши
Давиде въ Миньбу, что въ мѣстахъ и сиротъ твоихъ отъ Кандидата сохранилъ.
— Какъ, мой утѣшилъ, оставилъ друзей матерей и съ дождями мѣста?
Мама добрая Пруссакъ, Кандидатъ въ Миньбу мѣста наградитъ:
Если и мать моя дождитъ въ родномъ? — „А мы дадимъ утѣшилъ.“
— Давиде? — несчастная, дадимъ? — Куда она въ Миньбу мѣста пошла,
Изъ руки Матери или Духовной? — „Три года отъ Кандидата
Служила въ Миньбѣ, до нашей казнили ей, что отъ Кандидата
Дождему свѣту равна, широка и длинна въ бѣдѣ и мѣстахъ;
Въ первый разъ увидѣлъ, что въ Миньбу мѣста неохотно пришла.
— Это же наша бѣда? — руками вѣнчанъ, вопрошаетъ у Миньбы,
— Способъ единъ, Кандидатъ, единъ остался Миньбѣ,
Судьба моя сохранилъ, — и мѣста отъ Кандидата мѣстахъ.
Но ради Бога не спрашивай. Проклятъ срокъ да бѣда
Тѣхъ же, когда не жди мѣста я буду вѣнчанъ подвижникомъ.
Велика бѣда не хотѣть и мѣстахъ Кандидата неспасать,
Можно несчастъ Миньбы мѣста и мѣстахъ и мѣстахъ предъ собой
и наконецъ мѣстахъ мѣстахъ, если долго мѣстахъ въ Миньбу
Зрѣлищемъ бѣдѣ, страданій, вѣнчанъ да вѣнчанъ мѣстахъ,
Тѣхъ же въ мѣстахъ вѣнчанъ, и дадимъ единъ кувшину,
Мѣстахъ до мѣстахъ утѣшилъ бѣдѣ, — кувшину мѣстахъ. —

Нагрянувъ; и дѣшей исторгнувъ, въ ихъ сердца
 Вливъ кровь Пѣмецкую, на брашневъ, на опца
 Спрѣляшъ научашъ ихъ: о! знай, какъ кровныхъ споны
 Внималъ бы радоспно, безъ *вышуна*, — самъ я!
 — О милый! въ дальные уйдемъ Лишвы края,
 Ошъ Пѣмца скроемся въ горахъ, лѣсахъ полночныхъ.
 — Дѣшей и прочихъ женъ покинувъ безпомощныхъ!
 Такъ крылись Прусаки — и пали предъ врагомъ:
 И въ дебряхъ *онъ* найдетъ. . . — Мы далѣ вновь уйдемъ.
 — Все вдалъ, вдалъ, бѣдная! не изъ Лишвы-ли? — Пѣна
 Въ Ордѣ, или на Руси ты хочешь! — Успрашенна,
 Альдона обмерла. Досель любя мечшашъ:
 Лишва, какъ бѣлый свѣшъ, проспранна и безбрежна,
 И слыша вдругъ — вездѣ погибель неизбежна,
 Взыдала, вскрикнула: что-жь бѣднымъ намъ начашъ!
 — Тевпона извести, Лишву спаси я знаю. —
 Есшъ пайна у меня — ужасна, но вѣрна. —
 Но, ахъ! не спрашивай, Альдона, заклинаю! . . .
 Спокращъ будь прокляшъ часъ, когда съ груди *она*
 Исторгнешся бѣдой. — Другъ, Альчъ! шронись мольбою,
 Ошкройся другу. . . Нѣшъ! угрюмъ и дикъ, въ пиши,
 Онъ слышалъ, зрѣлъ, дышалъ — лишь бѣдспвенной Лишвою!
 Пока огонь мщенія, залавшій въ глубъ души,
 Дыханьемъ пагубы всплавъ въ груди мяшежно,
 Пожралъ всѣ чувшва въ немъ, и даже по одно
 Чемъ онъ дышалъ и жилъ — и чувшво спрасши нѣжной.

Такъ бросишь огонь подъ дубъ въ ночи ловець родной ,
 И сердцевиною всю въ немъ выжжешь огонь багровый :
 Падущъ роскошные листья царя дубровы ,
 Въспрь въспви разнесешь , и вянешъ омела (14) —
 Краса зеленая , вѣнецъ его чела . —

Липвинъ блуждалъ въ лѣсахъ , горахъ и замкахъ долго
 То Нѣмцевъ опражалъ , то самъ впадалъ съ войной ,
 Пока свершился шопъ Рудавскій грозный бой ,
 Гдѣ полегло молодыхъ Липовцевъ много , много ,
 И сполькожь Рыцарей - Креспа и ихъ вождей .
 Но къ Нѣмцу вновь полки идущъ изъ - за морей .
 Безспрашныхъ съ горесью , Князь и Альфъ до горъ пробились .
 Порублены щипы , мечи ихъ пригнулись .
 Въ пыли , въ крови , вошли , угрюмы , мрачны , въ домъ .
 Безчувственъ , нѣмъ и дикъ , Альдону Альфъ встрѣчаетъ ,
 И понѣмецки все онъ говоритъ съ опцомъ
 И съ Вайделомомъ лишь . Она не понимаетъ ,
 Но что - то спрашное ей сердце предвѣщаетъ .
 Умолкли пришлецы ; въ Альдону смущенный взглядъ
 Усшая , горесны , въ нѣмой шокъ спояшь .
 Альфъ долѣ всѣхъ глядишь въ опчаяны жестокое ,
 И вдругъ , залившись горячихъ слезъ попокомъ ,
 И навъ къ ногамъ Княжны , въ борьбѣ шерзаній всѣхъ ,
 О ! милая , просни , воскликнулъ : пы спрадала ! ...
 О ! горе , жены , вамъ любилъ безумцевъ шѣхъ ,

Тако разведенный озорниковъ Билъсъ Тимовъ зрѣлаго дуба
тайный огонь сердцу его глубоко возжигаетъ;
Волоръ терзаетъ впадины и всю свою легкую листву,
Вотролю разноситъ вѣтви, и даже тоскающая земля,
Дуба келью украшавшая, сохнетъ вѣтвей ихъ Ахмелъ. *)

Длиннотелы погнались, в горах и степях пробуждая,
 Молча пада на Кюмисовъ, то шло нападение вострая.
 Врань совершилась ужасная борьба въ равнинахъ Эддавы:
 Многие тысячъ десятии тысячъ конницей пали и кочевники,
 Погибъ таковой конностабиль, воеводъ Крестомосовый.
 Къ Кюмисамъ сводилъ ссмы вконецъ пришелъ изъ-за моря;
 Вандеръ съ Кестуфовъ продвинулся съ горетомъ востовъ востовъ;
 Садомъ иступилъ били, ацты и въ иступилъ въ стокъ;
 Мобиласи кровью покрывшие, востовъ они востовъ удержали.
 Вандеръ уже не востовъ на френу и мислова не мислова,
 Силъ говорилъ по Кюмисамъ съ Кестуфовъ и востовомъ;
 Но пожимала слезы, по сердцу ее предвизано
 Это-то ужасное; пожимала свое совизанье, вся тире
 Силуные востовъ они на слезы потомъ обратились.
 Вандеръ востовъ дошлие силотреть востовомъ востовомъ;
 Востовъ изъ ося ея крупнотой патыли востовомъ ея.
 Паль къ пожимать ося слезы, и къ сердцу приравъ ея руки,
 Просить прощенья за все, что она для него претерпела.
 Торе ося и, говорить ося, нечестиво сердце отдаленъ.

7) Растение, произрастающее на дубах.

Моры которого свобода бурждар за протрланим всеей,
мысли которого, дышу подобно, мадр кровей летают;
Сердцу которого много домашнего, личного счастья.
Сердце великое — дело болюмому подобно, а влдоина:
Медом не смогли напоить, а ~~сердце~~^{то} для ягерице кровь
Ангел влдоина, прости. Я дома останусь один,
мысли я всё поладу, и вены мои будешь дружа дружу
тот, кто предиде бывающа завтра... охотнее не смиле о
Радость хвала Амдрит. Тотчас ей представилось в миссе
что переименуе Калитер, и будет опроче и вееи;
Видеть: оно меньше задумчиво и живое больше во влдоина,
кь много румянее играет. Калитер проволяющий воеи
Умел Амдоной, шубу, красноречив, прова все дитва
Он на имоване рабши, говорит о счастливой поре той,
привиде когда он в шубу; о первой беседо с Амдоной
Вспомнил, о первой прогулке в долинку, в прихотливой
Домохиле, но там в шубе сердцу, — их первой взаимной любви
Что же средь личной беседы такой поминать оне: завтра?...
Снова зривит ираеи и долго глдит на супругу,
Слезы вилсноты в очех и чего зривит он не смиле...
Али он предний кубства и преднего счастья поминать
Только на то вынужден, чтобы с ними на воях простить

Которыхъ взоръ всегда сквозь мрачны покрывала
Дерзаетъ проницать и все въ грядущемъ зрѣть :

Ихъ мысль, какъ дымъ, всегда отъ кровли прочь лещишь,
Не наполнишь душъ ихъ — даръ усладъ семейныхъ скромный.
Альдона ! ихъ сердца — чшѣ ули огромны :

Ихъ не наполнишь медъ, вгнѣздишся въ нихъ змѣя. —
Прости же, другъ ! меня : я швой, швой нынѣ я.
Забуду нынѣ все, и поживу съ тобою ,

Какъ прежде жили мы, мой Ангель ; но съ зарею . . .

Съ зарею . . . И вздрогнувъ, окончишь не дерзнулъ.

Альдона бѣдная мечпашетъ въ упоеньи

О счастья съ Альфомъ вновь, и видишь въ восхищеньи :

Чело его свѣшлѣ, въ очахъ огонь блеснулъ,

Румянецъ на щекахъ. У ногъ Альдоны спраспной,

Весь вечеръ Альфъ провелъ ; и брань, и врагъ опасной

Забыты ; рѣчь одна — о счастья, о любви,

Какъ юной дѣвою въ сѣни дубравъ Липвы

Впервые поняшь онъ, въ долину съ ней видался,

И съ нею въ сладоспной любви упоевался ! —

Чшѣ сердцу памяшно — все вспомнилъ съ юныхъ дней. —

Зачѣмъ же прелеснь сихъ плѣнительныхъ рѣчей

Всегда при словѣ онъ: съ зарей — вдругъ прерываешь,

И въ думу понешь вновь, и будшо что скрываешь,

И крупную слезу роняя изъ очей,

Вновь мрачный, дикій взоръ въ Альдону успаляешь ?

Иль все прекрасное былое воскресилъ,

Чтобы сказать всему: прости, прости навѣки!

И ласки всѣ его, всѣ милые намѣки —

Любви свѣспильника прощальный пламень былъ?

Напрасно вопрошашъ! Въ слезахъ Альдона шонешъ,

Выходишь горесшна, глядишь сквозь дверь и спонешъ. —

Альфъ чаши наливаль, чашъ много выпиваль

И на ночь въщуна сѣдаго оспавляль.

Раздался на зарѣ вдругъ конскій топотъ скорый.

Два Рыцаря спѣшашъ въ шуманѣ раннемъ въ горы.

Всѣхъ спражей обошли, всѣхъ... кромѣ лишь одной —

Любови зорокъ взглядъ — Альдона вдругъ, въ шревогъ:

„Гдѣ Альфъ мой!“ — вскрикнула и кинулась къ дорогѣ.

Что жалоснѣй, грустнѣй ихъ встрѣчи роковой?

— О, милая! молю — ахъ, ворошись домой

Бышь можешъ, счѣспливой въ обѣщаньяхъ кровныхъ будешъ.

Ахъ, ворошись, забудь, шамъ счасіе найдешъ:

Млада, прелесшна ты, ушѣшишься, забудешъ...

Издавна всѣ Князья... межъ нихъ ты изберешъ...

Свободна нынѣ ты, вдова шого героя,

Который и дыша лишь для Липвы покоя,

Всѣмъ жертвуешъ ему, всѣмъ — и самой шобой!

Прости, забудь меня, лишь иногда слезой

Почши мечпу о мнѣ. — Для Альфа все опшныѣ

Погибло: одинокъ, какъ грустнѣй въпрѣ въ пуспынѣ,

Я долженъ свѣшъ пройши, коваршвовашъ, губишь,

Всѣ равноборны и всѣ много Северна и южнаго климата.

Будут ли несколько последних сформировки ^а Страстной любви ^{идеи}
мгновенные вопросы? Младенца ~~идеи~~ ^{идеи} вневременно, обретенные,

И это поворот ^{или} успеха, она еще посмотритъ събоиъ себя.

Василий Бунин, и имение Василия Бунина,

Потарника Вайделофа всю ночь у себя продержали очн.

Самые едва восходящие - и затушили во калитки конюшни:
Янтарей двое с разными туманом торжестве в горы,
Нот обманули бы отразили, одной не могли обмануть лишь;
Ворки глаза у шовов, шовов их узнала слеза.
Но лишь по другим вперед забодрали: печальная Вирра!
„Смелая, смелая, в дождь ворах, ты будешь счастлива;
Можешь быть, будешь счастлива, под солнцем поднимая кровь,
Ты смелая и прекрасна, найдешь утешенье, забудешь!
Много кибей, смелых в руки твои прежде искали;
Ты уже ныне свободна, вдова ты Великого мурра;
Они для спасения отпустили - да же с тобой расстался,
Друг мой! прости - и забудь... но помнишь об этом ты погони.

Ваше сердце линилося всего, одиноко отражая оны въ міра,
Словно какъ вътеръ въ пустыню; сжигая оны дризрень постоу,
Взривая въ измѣнной, гудѣть и тошнѣть позорного смерръя.

[illegible][illegible]

И всѣми проклятый, всѣмъ чуждый, и унылый,
 Позорной казнью окончишь вѣкъ поспылый.
 Но имя Альфа вновь на родинѣ взгремишь,
 И вновь изъ вѣщихъ успѣхъ ты нѣкогда услышишь
 Его дѣла; тогда, о милая! помыслишь,
 Чшо грозный Рыцарь сей, для всѣхъ закрытый тьмой,
 Онъ вѣдомъ лишь шебѣ, онъ другъ сердечный швой,
 И дума гордая да облегчишь вдовство.

Альдона смутная, нѣма, глуха, внимала.
 Ты ѣдишь, ѣдишь, Альфѣ, о милый! возспенала,
 И спрашно спалось ей; и сердца въ глубинѣ,
 Какъ крикъ зловѣщихъ пищъ — ты ѣдишь, опдалось.
 Безъ памяти, безъ чувствъ, стоишь. Въ какой-то тѣмѣ
 Чшо было, будетъ съ ней — смѣшалось, слилось.
 Но сердцемъ поняла, что не было въ ней силъ —
 Идши домой, забышь. Вкругъ смутный взоръ бродилъ.
 По сколько милаго взглядъ дикій ни встрѣчала,
 Несчастная, былой любви не обрѣшала,
 И будище новаго ища чего-то, вкругъ
 Обводишь мушный взоръ: всё глушь и дикій лугъ.
 За Цѣманомъ блеспишь лишь башня межъ деревъ —
 Обишель грустная Христа смиренныхъ дѣвъ.
 Къ ней льнушь Альдоны мысль и очи ушомленны.
 Такъ голубь, бурю въ пучины занесенный,
 Чужбины корабля къ пусынной мачтѣ льнешь.

Альфъ понялъ бѣдную; безмолвный, онъ бредеть;
 Открылъ ей замыселъ; шайшь онъ всѣхъ клялъ адомъ.
 Разлука спрашная — увы! — была за градомъ . . .
 Гдѣ съ Вайделомомъ Альфъ, доселѣ вѣспи нѣтъ.
 Но горе, горе имъ! коль бѣдствьемъ исполненный,
 Преспуишь кляшву Альфъ; когда весь жизни цвѣтъ
 Убивъ, и оправивъ все счастье Альдоны,
 Принесши сполько жершвъ, забудешь свой обѣтъ. . .
 Откроешь время все. — Допѣлъ я пѣснь, Тевпоны!

*

*

*

Конецъ! конецъ! — вспалъ глухо шумъ и крикъ.
 Кню Альфъ, и гдѣ онъ? Чпò крамолишь въ мѣрѣ?
 И чпò за замысль? — гулъ гремишь на пирѣ.
 — Магистръ одинъ, главой поникъ,
 Угрюмъ и нѣмъ въ дружинѣ смущеной;
 И въ бури чувствъ, лишь чаши поминушно
 Срывалъ съ сполы и осушалъ до дна.
 И пала мгла на спрашный ликъ грознà:
 Успа препещушь, щѣки пламнемъ рдѣють,
 Какъ ласпочки предъ бурей взоры рѣють,
 Холмишся грудь какъ бурная волна.
 Еще грознѣй его чело мрачнися —
 И вдругъ онъ, вспыхнувъ, вихремъ мчишся.
 Въ прахъ мантію — средъ залы спановишся.

Вайтеръ помяну Амуръ и сядованъ многа за него,
Вамъ себя свой ей повѣрши, просишь утаить передъ собой,
И уворотъ... ахъ! то страшное, страшное было прощанье...
Амуръ съ Вайденотомъ похаживалъ, и болше оныхъ не слышалъ,
Горе, горе когда онъ до сего не ^{вспомнилъ} ~~вспомнилъ~~ жемчужинъ;
Семь, отпекши въ отъ счастья, и счастье Амуръ случивши...
Семь прилещи срамъ много въ сферу, онъ сферировалъ, и сфера...
Будущность наша обрѣтше показреть — тѣмъ коихъ, и тѣмъ!

*

*

*

Конца, убога конца, — замученно собрание, —
Но кто отомъ Вайтеръ? какия дѣла? —
И кто? кому и сестъ? восклицанъ крикомъ;
Манистръ смиръ одинъ оставалъ въ молчаньи,
Средъ шумной дружбы, съ томикиномъ челою;
Взволнованнымъ сильно, онъ гостю и востаетъ
Воканъ съ виною и до дна вливаетъ.
Видна перелѣта на сиротъ его,
И чувства разлитыя, въ сиротыя и мнѣнныя,
Восстанъ на сиротъ его растаженныя.
Трогнотъ и трогнотъ тѣмъ и сестъ чело,
Чета посилитъ и очу близкаго,
И въ вранъ, какъ лосотки въ бурю, летаютъ.
Онъ, плащъ вурнотъ сорвавъ, на средину бѣжитъ;

„Знаешь песни коней? Той коней — он прилетит,
Мне молится мне дай; но чего тебе страшишься?
Дай молится, Бокаль прикажи мне налить, —
Я пью его опочу, когда тебе боишься.

Довольно всем много: как твои похвалы вой,
Моя твоя Вайденштадт грозит нам, дагой.
Про огнь и удовольствие насилье ваше твое,
А нам оставляет явную муку.
Ма адова твоя во похвалы самой
Невинную груду обвиняет зной,
И зной в душу вливает отраву —
Кто отпадет любовь и мерзость иудей славы.

Во твоей быстро идет она вон,
Подобно врага умерщвленного твое,
И часто приходит в среднюю беседу,
И кровь подливает в воду насильствий.
Насильствие твое, довольно мне и так! . . .
Свершилось. Знаешь ты, лукавый старик;
Скажи мне! Вайда — похвалы для поэта,
Завяжи вина. совершение отта.

Коней песни знаю. другую стю;
Когда я спрашиваю на всея Кастели,
Вамоды нить Мавра мне похвалы. —

— Гдѣ жь, гдѣ конецъ?... Сейчасъ мнѣ допѣвай,

Иль люпиню дай!... Чтò спалъ безгласенъ?

Дай люпиню мнѣ! — Конецъ тебѣ ужасенъ?

Я самъ спою; — ты чаши наливай!

Я знаю васъ: всѣ Вайделотовъ Думы,

Какъ псовъ зловѣщій вой, угрюмы:

Вамъ любо пѣшь — пожары, пиръ смершей,

Злодѣйства славой насъ прельщая.

Измѣничиья мнѣ ваша пѣснь, какъ змѣй,

Еще младенцу, перси пеленая,

Баюкая, зажгла мнѣ ядомъ кровь,

Вливъ спросишь безумну — къ родинѣ любовь.

Какъ тѣнь врага, зарѣзаннаго шайно,

За юношей ша пѣсня по пятамъ;

И на пирахъ являясь неожиданно,

Вливаешь кровь въ веселья чаши намъ.

Какъ мнѣ — увы! — знакома пѣсня эша!...

Да, да! знакомъ ты мнѣ, злодѣй сѣдой!

Ты выигралъ! война шріумфъ поэша!

Вина же мнѣ! обѣщъ свершившся мой!

Я кончу пѣсню... Нѣшь! спою другую. —

Когда въ горахъ Каспильскихъ бился я,

Балладамъ Мавръ училъ меня...

Спой пѣсню мнѣ, спарикъ! — драгую —
 Дней юныхъ пѣснь... о! часъ безцѣнный мой! —
 Нѣтъ! не забышь вѣкъ мнѣ пѣсни той! . .
 Спой, варваръ, спой!... не то... клянусь греющимъ...
 Перуномъ я... Испуганъ, спарець спалъ. —
 На лютню длань, и голосомъ дрожащимъ
 На дикій гласъ Конрада сосеналъ.
 Такъ идешь рабъ за господиномъ грознымъ.
 Огни ужъ гаснушъ вокругъ споловъ
 И сонно все на пирѣ позднемъ. —
 Запѣлъ Магистеръ — все проснулось вновь,
 И всѣ въ кружокъ сомкнулись тѣсный,
 И жадно внемлюшъ чудной пѣсни.

А В П О У Ж А Р Р В.

Б А Л Л А Д А.

Пали въ прахъ всѣ Мавровъ грады,
 Спонесть ихъ народъ въ цѣпяхъ;
 Цѣлы спѣны лишь Гренады,
 Но свирѣпый моръ въ спѣнахъ.

Съ горсшю Мавровъ защищаешъ

Алпухарры (¹⁵) Альманзоръ;

Врагъ знамены развиваешъ:

Закипишъ кровавый споръ.

Сыгрой, старецъ, потому, ну тихо мно,
 Это въ дѣтство, въ дѣтство... Блаженное время,
 Подъ музыку эту я такъ такъ привыкъ....
 Вернись же, старецъ, не то, клянуся ветви
 Богомъ Пруссарова и Писарева?... Старика
 Вернись, время смутное и полное невѣроятных
 Овъ дикіе звуки коврада слышу,
 Какъ слышуешь гласъ на блаженномъ словѣхъ.
 Тѣхъ, долгій гостей между тѣмъ усвѣтима,
 И въ тѣхъ урѣ на стѣнѣ погасима;
 Ватны Кошмеррада — и опять въ возстаніи,
 И въ тѣхъ сошнущимся ризахъ кругъ,
 Мой тѣхъ пришло ^{стрелы} ~~смерть~~ каждаго звука.

Амьхартъ ^{а.} ~~а.~~

Галица.

Во развалины мавровъ повержены грады,
И вогну небомъ погоры;
Еще защищается крепость Гренады,
Во гренады свирепствуетъ морь.

Еще Савваитовъ со своимъ возлюбленным
Благою и Савваитовъ отомстятъ;
Испавецъ возбудилъ, подъ городомъ зломъ,
И завину на приступъ пойдетъ. —

На утро сружься во кругу царовши,
Оконтъ и стонъ просиоша;
Заче съ минарето въ крестъ заблестѣли,
И замокъ Метангаша вѣнча. —

Однимъ Абухангору, на бою пораженномъ,
Въ потерѣхъ почитанномъ рѣдовъ,
Пробавишъ съ вѣровъ пошій, мекей дерзновенно,
Умѣлъ онъ пороки вѣрять. —

Метангаша средъ свѣдѣхъ развѣвшихъ тиретъ
Ма гудаша обломковъ и тѣмъ;
Суднѣсь въ привольномъ вѣнчѣ, морзѣсѣдуетъ
Добави и мѣтнѣхъ радѣтъ. —

Воеводѣй прѣвратилъ въ рѣдѣхъ вѣнчѣ доносаръ,
Что рѣзгаръ, и въ курдѣхъ стѣпѣхъ,
Скобъ мѣрѣхъ скорѣй его въслушанъ проситъ:
Мѣхъ вѣнчѣхъ вѣнчѣхъ скажетъ онъ. —

То былъ Абухангору, Государъ мѣхъ вѣнчѣхъ;
Мѣхъ вѣнчѣхъ вѣнчѣхъ вѣнчѣхъ;
Самъ вѣнчѣхъ вѣнчѣхъ вѣнчѣхъ;
И только о рѣдѣхъ мѣхъ. —

„Метангаша, у вѣнчѣхъ, рѣхъ онъ, порога
Принимъ и село преклонитъ,

Пушки на зарѣ взгремѣли,
 Пали стѣны, взорванъ валъ;
 Вмигъ Гишпанцы въ градъ влѣшѣли,
 Крестъ на храмахъ возблиспалъ.

Пали Мавры всѣ; оспался
 Альманзоръ одинъ въ бою,
 Сквозь мечей и стрѣлъ промчался,
 Бѣгствомъ спасъ главу свою.

Врагъ на грудяхъ шѣлъ, при кличѣ,
 Межъ кровавыхъ рѣкъ, огней,
 Зѣдалъ пиръ; и плѣнь, добычи
 Дѣлишь, плавая въ винѣ.

Варугъ Могучимъ спражъ доноситъ:
 Чуждый Рыцарь, въ сѣнь залишь,
 Топъ же мигъ свиданья проситъ;
 Вѣспи важныя сулитъ.

То Гренады Царь упорный.
 Онъ ужъ безопасенъ былъ,
 Но вдавался въ плѣнь позорный
 И о жизни лишь молилъ.

„Здѣсь предъ вами, у порога,
 Прибыль я чело склонилъ:“

Вѣрую въ Певѣрныхъ Бога,
Слугамъ я хочу служишь.

Да дивись молва всѣ спраны:
Гордый, грозный Царь-Арабъ,
Сынъ побѣдъ и славы бранный,
Нынѣ брашъ враговъ и рабъ!"

Лишь позналъ Гишпанецъ Мавра,
Злобный врагъ, не врагъ ужъ — другъ,
Чпш чело пшпомпа лавра,
Всѣ къ нему въ обьяшья вдругъ.

И Арабъ ихъ обнимаетъ;
Всѣхъ сильный вождя въ рукахъ

Сжалъ, и съ жаромъ длань хващаетъ,
Сжалъ, повиснулъ на ушахъ.

Варугъ весь мѣешь, упадаешь —
Паль — но препешной рукой,

Въ прахъ влекшись, обвиваетъ
Голени вождю чалмой.

Бросилъ взглядъ — и всякъ препенещетъ:
Блѣдный, синій ликъ дрожитъ,
Взоръ кровавый звѣрски блещетъ,
Спрашно смѣхъ уста кривитъ.

Принимая и уверовавъ въ вашего Бога,
и вашии проповани смирить. —

Грустна перестъ свѣтлой мольва разламается,
Это царь подтвержденный Керей,
Предвѣтъ побѣдителей — братоловъ зрѣется,
Вассалои корваго кутной.

Менанцаи етими поступки такіе
Узнавъ съ Абу-Манзора все сонно,
Возгудъ одиель примельца — героя, другіе
Его умоваи потогли. —

И вѣтъ Абу-Манзоръ умоваи нѣ въ замки,
Но кровѣе возгудъ зрѣлъ въ рукахъ,
И одиель га шев, и дланъ съ ватинъ сильно,
Ковсъ у него на усталахъ. —

Врутъ павъ на косяки, въ бездѣльномъ времени,
Но трепѣтливой дланью къ ногамъ
Менанца кавиу привадавъ, въ изступлении
Влачима го нинъ посподаи. —

Кругомъ очияиуся — и все изумились;
Вѣтъ мнѣ его бивденъ, баргове,
И ситѣиель узрастивъ гута и скративъ,
И они напоилиа кровь. —

«Смотрите, Теура! я сильный, я богивый...

Скажете же, кем я посою?»

«Я вас обманываю, что Крепады Брандебной
Со Заразом ко вам я пришел».

Ах! во думу вашу великую, мою любованья;

Она будет вас всех похищать;

Приближитесь, смотрите на эти страдания;

Все такие дозрели умирать?»

Она рвется и ружья, криво, напрягается;

Испугавшись, казавшая, все же

Во обаянии Божьих сдвинутой дремлет;

Сильней — и страшней меня сильней....

Сильней — и гуще потоком.... Елее Вокки

Елее она уста не закрывает,

И грозной печалью сильней адеи на Вокки

На сладивших ланинцев заставила —

Испугавшись и града Божьих отъ моря,

А моря видо великого по пятам.

Они не прощали Антихристские горы:

Помимо них вознесено море. —

„О! Гаурь! я сицій, спрашный;

Чей же я — узнай — посоль?

Ты обманушь: морь ужасный

Я привишь тебѣ пришель.

—

Знай: Гаурь! я вилъ въ лобзаньяхъ

Ядъ — онъ будетъ васъ сѣдаты.

Зришь ли, какъ помлюсь въ шерзаньяхъ? —

Всѣмъ вамъ такъ же издыхашъ!“

Но знай: не всѣ; о! прѣдъ! лангетъ Перуномъ.

Рвешя, корчипъ руки, хочешъ

Сжащъ навѣкъ Гишпанцевъ всѣхъ.

Спрашно, бѣшено хохочешъ,

Не сѣдныи мѣр... въ вѣнцѣхъ сонъ бунномъ.

Мрачный спонъ вливая въ смѣхъ.

—

Въ спонѣхъ... вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ.

Съ смѣхомъ умеръ; рошъ и вѣки

Все грозящи, какъ въ живомъ,

Ходъ одинъ бѣдъ... въ вѣнцѣхъ.

И геенскій смѣхъ навѣки

Замеръ на лицѣ льдяномъ.

Утронъ, спонной крѣпкой онъ побѣдъ.

Мчатся, ужасомъ обьяпы,

Вспящъ Гишпанцы; вслѣдъ имъ морь;

Въ вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ.

И весь спанъ ихъ — бичъ Гренады —

Въ вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ.

Морь пожралъ въ вершинахъ горъ.

Въ вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ.

Въ вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ.

Въ вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ.

Въ вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ.

Въ вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ.

Въ вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ.

Въ вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ.

Въ вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ.

Въ вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ.

Въ вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ.

Въ вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ... вѣнцѣхъ.

Вошь мести Мавра ухищренье! О..
 Хошишель знашь Липовца мщенье?
 Чпо-жь если въ словѣ успоишь,
 И язвой. . . вамъ вино онъ распворишь? . . .
 Но нѣшь! о, нѣшь! другой обычай нынѣ —
 Да! Князь Вишольдъ! теперь, бродя въ чужбинѣ,
 Намъ все даюшь Князь Липовы,
 Чшобъ мщенье упоишь — родной спраны въ крови.

Но знай: не всѣ; о! нѣшь! клянусь Перуномъ!
 Еще въ Липовѣ сыны . . . еще вамъ пѣснь одна...
 Прочь съ люшней . . . лопнула струна;
 Не спѣшь мнѣ . . . въ вашемъ сонѣ буйномъ
 Я много пилъ . . . будь пѣснь за мной —
 Я вспомню . . . тѣшишесь, веселишесь,
 Тыжъ Аль . . . манзоръ, прочь, прочь, съдой...
 Хочу одинъ бышь . . . удалишесь.

Угрюмъ, споной невѣрной онъ побрелъ.
 Изнемогая, въ креслы упадаешъ;
 Еще грозипъ; шокнулъ ногою сподъ,
 И все съ споломъ, гремя, звеня, слешаешъ.
 Вошь, ослабѣлъ. Глава, изъ кресель вонъ
 Склоняся, висипъ; огонь взоровъ погасаетъ,
 Клубъ пѣны рошъ дрожащій покрываешъ,
 И буйство обьялъ сонъ.

Тако Мавра подвизался во мизеви суровомъ:
Хотите ли мизеви Литовца узнатъ?
Что же? если когда либо сдержится отъ слова—
Придётъ, чтобы сразу во вилы подлыгивать...
Мать, мать у насъ измѣнившая нравы;
Теперь, Князь Митолдъ, иль Лифовскій державя
Князь нашъ приходитъ земли наживать,
И мизеви на шее же народъ искать!...

Не всё же однако... князю Меруномъ!
Еще есть въ Литвѣ... а опять вѣкъ стого...
Мать, пророчъ съ этой мотней... порвали сружъ
Не будетъ вѣкъ пречи... однако я мило,
Что когда будутъ... но-милъ я такъ много,
И мизеви нѣтъ... пригнѣте же съ Богомъ.
А такъ Алъ... манзоръ, — пророчъ съ Айбанахъ...
Пророчъ, стого, — оставьте меня одного!...

Скажи, и неварной повлекся стого
На мизеви-и въ кресло упалъ съ стогомъ;
Вѣй чѣмъ-то грозилъ онъ, и сильной ногою
Во бокалахъ стого уронилъ и съ виномъ.
Но вдругъ ослабѣлъ, голова преклонилась
На ручку у кресла; врозь въ мирно толпу,
И пѣня на синихъ устѣхъ навѣивалась—
И тихо заснулъ...

Вот восстие во минуту въ радужномъ облакѣ;
Александръ Коприадовъ пороки свои знаешь,
Что худого измыслишь, когда вѣнчавши,
То въ дикую ярость, въ бѣшеное впадалъ.
Но здѣсь не тыру. пострахиваніе чванья!
Нынѣ смодякъ худшихъ, въ изступленіи Тараса!
Что это? и здѣ Кайдаловъ? — ны собранные
Они сродились, ни кто не провозгласитъ о немъ.

Подумай слова, что Саломея превращеніи
Китовенку послию Коприадъ протѣяетъ—
Что способны отнимъ огонь брани связанны
Воздряхъ на извѣстиковъ вновь они хотѣтъ.
Что куда зрѣ такъ же вѣнчанъ Коприадъ?
И какъ бы Китовенку отъ келъ забвѣнчанъ?
Что дивнаго значить Маистра Копилага?
Ни кто нѣтъ вопросовъ рѣшишь не державъ.

Безмолвны Рыцари, въ смущенны:

Конрада всякъ порокъ несчастный зналъ:

Онъ, упоенный, бушевалъ

Въ немощствѣ и въ дикомъ изступленнѣ;

Но въ пирь, при всѣхъ — позоромъ Валленродъ!

О, срамъ! — Кшо жь бурю чародѣисвомъ пѣня

Возжегъ въ немъ? Гдѣ? гдѣ дерзкій Вайделошъ?

Пропалъ въ толпѣ средь общаго смущенья.

Была молва, что пошлѣ Липвинъ — Альбанъ;

Что пѣснь Липвы Магистру воспѣвая, —

На гибель чадъ языческаго края,

Онъ возжигалъ духъ бранный Христіанъ.

Но что могло шакъ взбунтовашъ Конрада?

Что гнѣвъ возжгло въ Випольдѣ грозный сей?

Что значила Магистрова баллада?

Въ недоумѣньи всѣ.

